

ПАМЯТИ ДРУГА

*Мы вышли из возраста приобретений
и перешли в возраст потерь...*

И.Эренбург

Уход Юрия Яковлевича Фиалкова – потеря не только для науки, это колоссальная потеря для многих и многих людей. На похоронах Ю.Я. один из близких его друзей профессор Ю. Шанин сказал очень емко: «Он был *талантливым* ученым, он был *талантливым* писателем, но самое главное – он был *гениальным* другом». Ю.Я. готов был броситься помогать всегда, когда сознавал, что может хоть чем-нибудь помочь в трудную минуту. И не только близким друзьям. Все мы с легкостью выражаем сочувствие, и вполне искренно. Но редки люди, кто выражает свое *сочувствие – содействием*. Не стану приводить примеры – они бесчисленны, – когда Юра энергично и бескомпромиссно действовал, узнав о том, что действия необходимы. Чаще всего те, ради кого он действовал, не могли понять, каким образом напасти вдруг волшебным образом растворялись. А Юра и не рассказывал об этом, он был непревзойденным специалистом по растворам!

Уже позднее в мастерски сделанных рассказах, сначала устных, а потом записанных и изданных в книге Фиалкова «Доля правды», друзья узнавали сюжеты и понимали, о ком и о чем идет речь. А реальные герои его рассказов так и не узнали, чьему доброму участию в их судьбе они обязаны счастливому ее повороту. А ведь что за возможности, которыми располагает профессор университета? Почти нулевые. Но не в случае Ю.Я! Фиалков не был членом ни Национальной Украинской Академии, ни Академии Наук СССР (почему? – пусть это останется на совести членов этих организаций). Но вес его профессионального имени в физической химии по Гамбургскому счету был исключительно высок. Думаю, что после Фрумкина, Бродского, Измайлова и Самойлова и вместе с Крестовым имя Фиалкова символизировало физическую химию растворов в семидесятые– девятые годы 20 века в бывшем СССР, и уж в Украине тем более. Он был патриархом этой науки. Поэтому–то участие Ю.Я. в чьей-либо научной судьбе оказывалось решающим (именно по Гамбургскому, а не номенклатурному счету). Нет, Ю.Я. не похож Санта Клауса. Ничего подобного. Он считал своим долгом вмешиваться в научные судьбы только тогда, когда считал важным поддержать работу или научного работника, отвергнутых незаслуженно. Он считал своим долгом, долгом ученого, поддерживать (или восстановить, если она попорчена) научную объективность, а тем самым и человеческую справедливость. Столь же тверд и последователен был Ю.Я., когда считал, что не научный смысл, а только конъюнктура создает возможности проникнуть в науку бездарностям или номенклатурщикам (впрочем, это почти тождественно). Известный демонстративный выход Ю.Я. из ВАК Украины в знак протеста против административного давления на процесс аттестации диссертаций – очень редкий случай как в советском, так и в пост-советском «научном пространстве».

Юрий Яковлевич был рыцарем науки, он защищал ее границы от проникновения дельцов, старался до конца своих дней. Ему не удалось.

Не удалось и нам всем, кому все еще дороги традиции науки России и Украины. Фиалков сделал все, что мог, чтобы их сохранить. Он защищал науку по-мужски, как любимую женщину. Юра ушел – Наука осталась. Нам, живущим, предстоит не только развивать ее, но и защищать. Вряд ли нам это удастся, но *каждый будет делать это по тому же моральному долгу*.

Мужество Учителя – не только защита науки от посягательств насильников. Когда взорвался Чернобыль, наше коммунистическое начальство скрывало опасность для Киева. Юра понял все сразу же, конечно. На первой же лекции он объяснил своим студентам все и рассказал, что

нужно делать каждому, чтобы защититься. Уверен, это сохранило жизни и здоровье многих и многих. Даже сейчас я понимаю, какой опасности – не радиационной, а административной – подвергал себя Ю.Я., он все понимал, и действовал в соответствии с *долгом Учителя*, в соответствии с Кодексом Януша Корчака. Юра был *УЧЕНЫМ И УЧИТЕЛЕМ* в том самом высоком смысле, который все еще вкладывается в эти понятия. А как он любил своих ближайших учеников... Тарасенко, Житомирский, позднее Чумак, еще несколько имен... Нет, не все апостолы оказались достойны. «Один из вас предаст меня» - иначе не бывает. Так и случилось. Несколько последних лет жизни Ю.Я. были омрачены этим. Ю.Я. нашел силы в себе, чтобы пережить это и найти достойного преемника. Но чего стоило ему переосмысление реальностей! Впрочем, «не может быть надежной славы, куда кровь не пролилась...». Научная и моральная сила Фиалкова сохранится. Драматизм и триумф, блеск и нищета (нищета вполне материальная, кстати – безденежье) жизни ученого и учителя – от Сократа до Ландау – повторяются. Фиалков – не исключение в этом списке Учителей.

Для меня Фиалков – не только ученый, почти двадцать лет он был самым близким мне человеком. Мы когда-то подсчитывали с ним по квитанциям платежи за телефонные переговоры Киев - Харьков – Киев – Харьков, ужасались суммам, но все повторялось из месяца в месяц и из года в год, я благодарен *моей судьбе*, давшей мне счастье этой дружбы. Слово «яркий» в применении к личности девальвировано. «хочу сиять заставить заново» это слово применительно к личности Ю.Я. Яркий – это сильно светящийся. Он был таким. Но еще более важным в человеческой сущности Юры была разносторонность его яркостей – как бриллиант – повернешь чуть-чуть – сверкает по-новому. Несколько его учебников по физической химии – на несколько десятилетий – основа образования. А знаете ли вы книгу Квадригина «За снагою на байдарці»? «Квадрига» - это четыре автора, один из них Ю.Я. Эта проза сродни Джером К. Джерому или Марку Твену или Довлатову, на самом деле я не знаю аналогов этой искрящейся – как шампанское – пузырьками юмора прозы.

Фиалков – писатель. Через десять лет этот феномен станет предметом научных статей и диссертаций. Ведь все большое видят с расстояния, к сожалению, и с расстояния во времени тоже. Я хочу, чтобы в будущих биографиях Ю.Я. Фиалкова было зафиксировано, что он издал более десятка научно-популярных и научно-художественных книг, переведенных во многих странах. Ю.Я. совершенно случайно узнал, что его имя внесено в Энциклопедию детской литературы (это было и в самом деле неожиданным для него, в других энциклопедиях и биографических изданиях в Украине и за рубежом имя Фиалкова упоминается многократно – в связи с научными его достижениями).

Как всегда, действительность 60 - 80-тых годов содержит Кафкианскую компоненту в историях нашей страны. Ю.Я. узнал о том, что его книги изданы в «капиталистических странах», в Аргентине и Испании, например (я уж не помню, где еще), знаете от кого? – знаете! Юру вызвали в ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ и потребовали отчета о том, как это он переправил секретную информацию империалистам. А Юра и не знал об этих изданиях: Издательство Детской Литературы в Москве не имело, по-видимому, соответствующих инструкций от КГБ, а вот то, что профессор советского института публикуется за рубежом, минуя инстанции КГБ – это было вопиющей крамолой. Кстати, профессор Фиалков получил и свои «тридцать серебряников» за все свои книги оптом: кажется, 6 рублей и 43 копейки за все про все – за одиннадцать переизданий, если не ошибаюсь. Сумму получил сполна. В ВААП – Москве, на Новослободской. Такова цена «предательства родины»!

А на самом деле Юра был идеалистически предан нашей общей родине – России в широком смысле, и Украине в особенности. Для Ю.Я. украинский язык был столь же родным, как русский. Юра был одним из первых профессоров – естественников, кто стал читать лекции по-украински. Я знаю достоверно, от него непосредственно: он стал читать лекции по-украински потому только, что считал важным поддержать начало новой государственности, иногда даже вопреки общему желанию его студентов в отношении выбора языка общения.

Впрочем, студенты любили Ю.Я. настолько, что им – как показалось мне, побывавшему на его занятиях в аудитории – было важно общение с Ю.Я., а не язык, на котором это общение происходит. Правда, я бывал только на тех лекциях Фиалкова, которые он читал факультативно, эти лекции посещали, конечно, только те студенты, которые *хотели* приобщиться к наукам. Впрочем, только ради этих детей и стоит преподавать науки, только для этих детей *действительно нужен* талант Учителя, *но именно и только эти дети составляют будущее страны. Только ради этих детей и стоит отдавать большой кусок жизни.* Профессор Фиалков это сделал. Если в Украине в ближайшие 20-30 лет физическая химия как наука сохранится – это в громадной степени заслуга Фиалкова. Вообще если наука в нашей стране сохранится – это дело подвижников, редких людей, таких, как Фиалков.

Я не помню, кто из великих сказал это первым, но сегодня это ясно всем: талантливый человек проявляет талант во всем, за что берется. Я упомянул уже книгу Фиалкова «Доля правды» (несколько рассказов из этой книги опубликованы в московском журнале «Химия и Жизнь» и в киевской «Радуге», но издать эту книгу нужно целиком – это художественный документ времени, а не только таланта). Юра издал книжку очень малым тиражом – денег у него не было. Между тем, на мой взгляд, эта книга уникальна не только по сюжетам, но и по жанру. Я никогда не видел ничего подобного «Запискам благополучного еврея» - автобиография, каждый фрагмент которой может быть развернут в полнометражный фильм с «Оскаром» в финале, а новеллы из жизни, с именами героев или без таковых – каждая из них стоит того, чтобы быть читаной с эстрады. И я и мои друзья читали их, хохоча до слез, которые смешивались, наверное, и со слезами сострадания. Это – не национально-еврейское, это – национально-советское. Это смесь Жванецкого, Шоу и Зощенко. На самом же деле, проза Фиалкова – самостоятельное явление. Я не знаю, как устанавливается объективно, что такое *музыкальность* текста, но чувствую это в текстах Лермонтова, Тургенева, Бунина, Набокова. Конечно, проза Фиалкова не окажется в ряду этих шедевров по значимости для литературы, но я хочу подчеркнуть, что ощущение ритма и даже аллитераций в рассказах Фиалкова так явственны, что понимаешь: написано на нотном стане души – ведь Юра жил в музыке так же свободно и естественно как в химии. У меня сохранились заметки его о композиторах. Не думаю, что их следует публиковать когда-либо, разве только как науковедческое свидетельство неразделимого единения личности творца и его созданий. В том, что история науки сохранит имя Фиалкова, я уверен.

Уход неизбежен, ничего не поделаешь. Юра знал приговор: десять лет жизни, отсчитывая от декабря 1992. Никто из его друзей никогда не слышал жалоб. Юра жил так, как если впереди вечность. Он в последний раз закрыл глаза, уронив «Новый мир» от июля 2002 года. Двадцатое августа - дата смерти выдающегося ученого и человека Юрия Яковлевича Фиалкова. Это имя сохранится надолго, много дольше, чем земная память его смертных друзей.

Владимир Кошкин